

Р. Дж. Буш
ОЛЕНИ, СОБАКИ И СНЕГОСТУПЫ: ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СИБИРИ С 1865 ПО 1867 гг.

(Перевод с английского Л. А. Абрамян)

Ричард Буш был участником одной из экспедиций Российско-американской телеграфной компании (также известной как «Western Union Telegraph Expedition» и «Collins Overland Telegraph»), которая планировала проложить в 1865–1867 гг. электрическую телеграфную линию от Сан-Франциско до Москвы, соединив таким образом Америку с Европой. Путь прокладки телеграфа должен был пройти от Калифорнии через Орегон, Вашингтонскую Территорию Британской Колумбии, Аляску, затем кабель планировалось проложить под Беринговым проливом – а потом через Сибирь в Москву.

Для содействия работе Компании российским правительством был послан военный винтовой корвет «Варяг». В 1867 г. проект был закрыт как экономически невыгодный.

«Зарегистрировано согласно Акту Конгресса, в 1871 году представителями компании „Харпер и Бразерз“ (Harper & Brothers), в офисе директора Библиотеки Конгресса в Вашингтоне.

Перед нами простиралась неизвестность, такая же пустая, как и туман, который обволакивал наш маленький бриг на второй день после нашего прохода под мостом Золотые ворота (Golden Gate). Все, что мы знали, так это то, что нашим первым пунктом назначения был Петропавловски (Petropavlovski), маленькое русское поселение вблизи от нижнего окончания полуострова Камчатка. И на основе той информации, которую Майор Абаза (Major Abasa) – руководитель экспедиции – сможет получить об этих обширных землях, он сможет распланировать будущие планы экспедиции. Все, за исключением этого, было покрыто тенью неопределенности, из-за которой мы видели или нам мерещились фантомы холода, голода и всех других опасностей, которые ожидают на неисследованной арктической территории. Опыт Кейна (Kane), Холла (Hall), Франклина (Franklin) и огромного количества других людей в подобных климатических условиях дали нам представление о том, чего можно было ожидать. И мы думали, что если один человек смог что-то выдержать, другой человек сможет снова это выдержать; а поскольку мы все были молоды, отважны, здоровы и амбициозны и думали, что это предприятие стоит того, чтобы рискнуть жизнью, мы принялись за него, решив не беспокоиться о надуманных бедах, но двигаться вперед и принять все, что бы судьба ни уготовила нам, испытать силу этих северных жителей при реальных столкновениях и победить, если возможно; если же нет, то умереть со всевозможным достоинством. Это были мотивы, которые двигали большинством из нас, и это были чувства, с которыми мы сели на корабль, чтобы приступить к этому предприятию.

„Но о каком предприятии он говорит?“ Я могу представить, как этот вопрос задает читатель. Конкретно вот это: мы собирались исследовать путь для телеграфической связи между Старым Светом и Новым – чтобы соединить Викторину, в устье реки Фрейзер в Британской Колумбии с русским городком Николаевск, в устье реки Амур в Азии через Берингов пролив. Необходимо было исследовать несколько тысяч миль неизведанной территории по обеим сторонам Берингова моря, чтобы оценить, насколько реально осуществить проект; нам предстояло столкнуться с предельными температурами этого северного климата и расположить к себе свирепые племена. Для выполнения этих задач мы были первой командой, которую собрали и отправили.

Благодаря упорной настойчивости мистера П. МакД. Коллинза (P. McD. Collins), в прошлом консульского агента США на Амуре, были получены документы как со стороны российского, так и со стороны английского правительства, позволяющие проходить по границе их территории. Наше правительство тоже сделало много для содействия этому предприятию. Мистер Коллинз впоследствии передал свои права телеграфной компании Соединенных штатов „Вестерн Юнион“ („Western Union Telegraph Company“), и они незамедлительно предприняли шаги для осуществления этого предприятия.

Полковник Чарльз С. Бакли (Charles S. Bulkley), известный инженер в энергетике, был назначен командиром экспедиции и сразу же приехал в Сан-Франциско зимой 1864/65 г., чтобы организовать экспедицию и предпринять все необходимые шаги для продолжения работы. Суда были куплены наряду с полным снаряжением и всем необходимым.

Стони мужчин подавали на разрешение сопровождать экспедицию, из числа которых полковник отобрал необходимое количество, всегда отдавая предпочтение молодым мужчинам; „по-

скольку“ как он говорил, „они могут вынести больше; имеют больше настойчивости; и кроме того, неважно, какие почести и прибыли будут приобретены по окончании работы, я хочу, чтобы они достались молодым людям этой страны“.

<...> Я не буду вдаваться в подробности нашего длительного путешествия, а оставлю это на воображение читателя; достаточно сказать, что на протяжении 47 дней мы придерживались курса на запад, то мягко раскачиваясь вперед и назад в успокаивающих объятиях океана, то подгоняемые вперед легким бризом, то сражаясь с неблагоприятными ветрами. Дожди, туманы и случайные, крайне редкие ясные дни также приносили разнообразие. Но на протяжении всего этого времени мы не видели ни земли, ни корабля.

19 августа, выйдя на палубу, мы обнаружили себя укутанными в густой туман, который пеленой нависал над океаном; в самом деле, такой густой, что смотрящего в передней части корабля едва можно было различить с палубы юта. Благоприятный сильный ветер подгонял вперед наше медлительное судно с неистовой скоростью в 7 узлов в час, и все хотели скорейшего возвращения к столь желанному берегу. В течение нескольких прошедших дней не было никакой видимости, и мы не имели абсолютно никакого представления о том, где мы находимся, но по примерным подсчетам, мы предполагали, что где-то в 80 милях от Петропавловска.

И в данном случае нам очень хотелось, чтобы до захода солнца нам удалось хотя бы мельком увидеть твердь земную. Это ожидание вызвало необычайный интерес у всей команды, и не успели мы прикурить сигары после завтрака, как все собралось на палубе, страстно желая, чтобы занавес поднялся и приоткрыл нам первый вид той сцены новой драмы, в которой мы должны были принять непосредственное участие.

Часы пролетали, и все еще не было никакого намека на то, что туман поднимется. К этому времени мы уже смирились с разочарованием и уже были готовы вернуться к своим ежедневным рутинным развлечениям, когда долгожданный крик „Земля“ раздавшийся с передней части корабля, вызвал взволнованные подпрыгивания. Впереди все было темным, как и всегда, и предельные усилия наших глаз не смогли проследить причину этого выкрика, пока, наконец, мы случайно не взглянули гораздо выше того места, где ожидали увидеть признаки земли; различались несколько длительных вспышек света, по мере того, как они приближались к горизонту, что свидетельствовало о наличии нескольких очень высоких пиков, покрытых вечным снегом. Вскоре немного севернее появилась другая вспышка, несомненно выше, чем первая. У нас едва хватило времени, чтобы увидеть обе вспышки прежде, чем они вновь исчезли из вида; но и этого было достаточно, чтобы мы смогли определить наше местоположение. Их соответствующее положение, при сравнении с картой, показало, что первый – гора Виленченски (Вилючинская сопка. – Прим. пер.) на высоте 7 000 футов, а другой – гора Авача, 11,554 фута в высоту, в соответствии с нашими путеводителями.

Это послужило сигналом, чтобы начать готовиться к высадке на берег. Сундуки были перерыты в поисках белого белья, чтобы сменить цветные шерстяные шорты, которые мы носили в дороге, обувь начищена – эти ненавистные мелкие обязанности – были выполнены с большой готовностью.

Даже моряки, которые были не очень прилежными людьми, поймали этот вирус, и вскоре использовали жесткие щетки с удивительной энергией. Ни в чем не было проявлено пренебрежения, даже со свиньями, чье отвратительно визжание вынудило нас выйти на палубу в поисках причины этого шума. Вскоре объяснение нашлось; мужчины загнали двух поросят в большую ванну с водой и купали их без пощады, причиняя боль, так что это больше напоминало наказание. Конечно, это все выглядело курьезно, но было большим облегчением для наших ушей, когда эта операция была завершена.

<...> В полдень мы были вознаграждены чистым горизонтом на протяжении нескольких минут, во время которых я сумел отметить контур возвышенных частей побережья, составляющего приблизительно 60 миль в длину; а с приближением к суше мы увидели три фрагмента скал, выступающих над водой и известных как Три Брата.

<...> 2 или 3 мили дальше на противоположном берегу находится скала Бабушка, со специфической формой. И сразу за ними начинается полотно Авачинской бухты протяженностью приблизительно 20 миль, граничащей на севере с грядой холмов, а на юге и западе с ровной поверхностью, уходящей в глубь суши.

Тщательное изучение берега с помощью наших биноклей не позволило нам найти каких-либо следов города, и мы были в неведении, в каком направлении продолжать двигаться, когда обнаружили китобойное судно, которое приближалось к нашему судну справа.

Темная кожа, черные волосы и грубая одежда гребцов свидетельствовали о том, что они были из полудивилизованных коренных жителей; но рулевой, по его манерам и внешности, наряду с тем легким изяществом, с которым он сидел, откинувшись на медвежьей шкуры, и неспешно затягивался ароматными манильскими сигарами, мы поняли, что он был либо иностранцем, либо русским джентльменом.

Мы были в замешательстве, как к нему обратиться, когда слова „Что это за корабль?“, сказанные на хорошем английском, разрешили наши сомнения. Этим джентльменом оказался мистер Фленджер, один из местных иностранных торговцев пушниной, который искал бриг и выехал встретить нас. Под его руководством мы проследовали к крутому, холмистому выступу, виднеющемуся на севере, за которым лежало поселение Петропавловск.

Его первые вопросы касались новостей из мира, так как прошло уже три года с тех пор, как пришло письмо из Новосибирска через Сибирь, и единственные вести, которые они получили за это время, были от одного или двух судов, которые раз в год случайно заходили в гавань. Это раньше было принято отправлять письма из Европы по суше один раз в год, но этот обычай прекратился, и прибытие судна – теперь их единственный источник новостей – приветствовалось с большим интересом всеми и заносилось в анналы Петропавловска наряду с выдающимися событиями.

По мере того, как мы приближались к берегу, мы с нетерпением ждали увидеть первые признаки города, но даже на расстоянии ружейного выстрела не было обнаружено никаких следов человеческого присутствия, за исключением нескольких собак и коров на склонах прилегающих холмов. Но курс корабля сменился, и окончательно обойдя выступ, мы увидели на пологом склоне, граничащем с бухтой на севере и западе, низкие бревенчатые дома Петропавловска, разбросанные тут и там без какого-либо порядка, посередине которых стояла видная восьмиугольная церковь с красной крышей, увенчанная зеленой башенкой. Большинство домов были покрыты корой или соломой, но некоторые – занятые чиновниками и иностранными торговцами – были крыты дранкой, крашенной в красный, что составляло сильный контраст со свежими зелеными холмами на заднем фоне. Позади города на небольшом возвышении располагалась небольшая долина, между выступом и кромкой берега, поверх которой вдалеке обнаруживала себя гряда с верхушкой величественной высокой Авачи, видной в ясный день; но эта прекрасная особенность ландшафта была скрыта в день нашего приезда.

<...> Когда мы вошли в гавань, с обеих сторон были видны остатки земляных укреплений, которые помогли успешно защитить город от союзного флота во время Крымской войны.

Сейчас в Петропавловске проживает не более 300 человек, коренных жителей и других, но ранее он был гораздо больше, будучи одним из основных русских поселений на Тихом океане. Ко времени заключения соглашения его население составляло 1 000 человек; но на следующий год был основан порт Николаевск, и по приказам из Санкт-Петербурга город был покинут, а все войска и магазины наряду с основной частью населения были переведены туда. Это было сделано как раз вовремя, чтобы избежать еще одной атаки, так как союзный эскадрон возобновил попытку вернуть свои потерянные лавры. Все батареи были разрушены им до основания, а большинство домов сожжено, и с тех пор это место мало чем изменилось.

История Петропавловска восходит к 1740 г., когда были основаны первые магазины неким Фелагиным (Елагин. – *Прим. пер.*), которого Беринг отправил исследовать Авачинскую бухту, готовясь к своему исследованию северо-западного побережья Америки. Его название произошло от двух судов „Св. Петр“ и „Св. Павел“, построенных в городе Охотске, на Охотском море в 1739 г. и использованных Берингом в его экспедициях. С тех пор город вырос по размеру и важности, раскрывшись во время упомянутых военных действий.

Когда мы достаточно продвинулись вперед, паруса были подобраны, и по сигналу капитана мы спустили якорь, который с глухим пытением погрузился в мягкое илистое дно бухты. Шум цепи, по мере того как она разворачивалась, вызвал тысячное эхо среди окружающих холмов и вызвал сильный воющий лай сотен эскимосских собак, который звучал довольно мелодично, смягчаясь эхом, раздаваясь вновь и вновь над маленькой бухточкой.

Только тот, кто когда-либо впервые приезжал на новое место, где каждый взгляд открывает странные и непривычные виды, а уши заполняются неизвестными звуками и языками, сможет осознать ту радость, которую мы испытывали. Каждое дерево, куст и камень имели притягательный облик, а большинство неприметных объектов и случаев воспринимались и изучались с особым тщанием.

Мы не стали тратить время на спуск лодок, чтобы нанести первый визит в город. Мистер Фленджер любезно согласился сопроводить нас, а впоследствии настоял на том, чтобы мы составили ему компанию в его холостяцком жилище.

Ряд мокрых, скользких ступенек были призваны помочь высадке на берег, недалеко от которого стоял маленький бриг с 2 пушками и 17 казаками, осуществляющими защиту этого места. По высадке мы встретились с группкой диковатых на вид мальчишек, каждый из которых, по мере того как мы приближались, поднял свою кепку, приветствуя нас самым вежливым образом. Это была часть жизни камчадалов, абсолютно нами неожиданная, и было сплошным удовольствием вернуть приветствие; этот обычай можно было бы со всей уместностью ввести в других странах, претендующих на большую цивилизованность. Немного дальше мы встретили группу камчадалов и метисов с жесткими черными волосами и маленькими глазами, которые с любопытством следили за нашими передвижениями и с беспокойством наблюдали объект этого выдающегося, но неожиданного прибытия. Как я уже говорил, среди них были и казаки, но они так сильно походили на других своим видом и одеждой, что было практически невозможно различить их.

В целом, эти аборигены переняли в качестве летней одежды обычные предметы одежды, предпочтя их своим традиционным нарядам из кожи, но все еще оставались верными обуви из шкур тюленя, но не потому, что они были более дешевыми для них, а потому, что они больше соответствовали тому образу жизни, который они вели, а именно: ловили рыбу на мелководном побережье. Зимой, как и все остальные жители, они надевали тяжелые верхние одежды из меха.

Причудливая маленькая церквушка при более тщательном рассмотрении оказалась довольно обветшалой, впрочем, как и большинство жилищ. Вход расположен в конце низкого, длинного крыла, рядом с которым располагается навес, полностью отделенный от основного здания, с развешенными 7–8 колоколами, звон которых раздавался по мере того, как мы приближались, несколько мужчин энергично раскачивали их.

Наконец, попетляв среди разных одноэтажных строений, мы вышли на Главную улицу, которая справедливо носила это название; на одной стороне стоит дом мистера Фленджера, большое, хорошо сложенное строение с не очень гостеприимным внешним видом, но внутреннее убранство и порядок намного превзошли наши ожидания. Приведу здесь краткое описание. Комнаты были просторными и уютными, с хорошими обоями и коврами, и мебелью, которая придавала очень элегантный вид. Книги и бумаги были разбросаны повсюду, а вместе с диванчиками, креслами, сигарами, графинами и многими другими мелочами придавали жилищу типично холостяцкий вид.

<...> Одна из особенностей домов Петропавловска – это „печки“, или большая кирпичная печь, которую используют для обогрева различных помещений. <...> Обычно „печку“ строят посередине дома, чтобы одна из ее поверхностей находилась в каждой комнате. Хороший розжиг печи утром может давать достаточно тепла в течение всего дня.

Прежде чем вернуться на судно, мы навестили капитана порта Суткова (Soutkovoï) и исправника или губернатора Камчатки. Жилище капитана Суткова представляет собой большое и лучшее по расположению строение, которое находится в большом саду, на некотором расстоянии от главной улицы, и к нему ведет аллея, обсаженная тополями. Сад выложен дорожками, и в нем очень много выращиваемых цветов, среди которых мы разглядели несколько наших любимых американских цветов. Через сад пробегает маленький ручеек, который ниспадает в виде искусственного водопада. В стороне от сада стоит железный монумент, возведенный в память о капитане Беринге. Капитан и его прелестная жена приняли нас с присущим русским гостеприимством, которое широко известно; не успели мы присесть, как внесли самовар вместе с более крепкими напитками и сигарами; сигары мы приняли с некоторой осторожностью, но до тех пор, пока мадам не подала нам пример, прикурив „папиросу“ или русские сигареты, и начала курить с большим спокойствием. Позже мы обнаружили, что курение было совершенно обычным делом для сибирских леди, и, хотя поначалу мы относили к этому с некоторым предубеждением, вскоре для нас это стало обычным зрелищем.

Внутреннее убранство дома во многом походило на то, которое было уже описано, хотя со вкусом подобранные предметы мебели, наряду с изделиями женского рукоделия указывали на присутствие особы прекрасного пола. Угол каждой комнаты был посвящен „пенатам“ и украшен портретами разных святых, которым семья посвящала свои утренние и вечерние молитвы. Перед каждым портретом были подвешены маленькие лампы или свечи, которые всегда поджигались на церковные праздники – примерно половина дней в году.

В одной из квартир города было пианино, и это была самая большая комната в городе, мадам сообщила нам, что это было место, где проводились все зимние балы и карточные игры. Из всего,

что я узнал, выходило, что эти люди, несмотря на то, что находились в изоляции и полностью зависели от своих собственных источников развлечений, вели довольно веселую жизнь. Все джентльмены держали по своей прихоти упряжку с собаками, на которой они зимой часто совершали поездки в прилегающие поселения, прихватив с собой дам, а вернувшись поздно вечером, они устраивали „вечерки„ у капитана. В течение короткого лета они находили множество развлечений, катаясь на лодках и рыбача в бухте, собирая ягоды на соседних сопках или катаясь верхом по окрестностям, помимо пикников в пригородных местах для отдыха.

Так, наш первый визит на берег был одним большим приятным волнением, но после возвращения вновь к нашим уютным маленьким каютам на „Ольге, к которой мы привязались во время своего долго путешествия и где нас приветствовали знакомые предметы, мы почувствовали большое облегчение, несмотря на то, что отсутствовали совсем недолго.

На выступе слева от нас, рядом с разрушенной русской батареей, стоит монумент, возведенный в память Лаперуза, который мы решили осмотреть на следующий день. Хотя трава была высокой и мокрой от густой росы, с самого раннего утра мы уже преодолевали крутой подъем и вскоре добрались до вершины. При ближайшем рассмотрении этот памятник не оправдал наших ожиданий и едва ли был достоин того, чтобы увековечить память великого мореплавателя. Хотя нельзя было выбрать более красивое место для него. Памятник был сделан из жести, прорешеченной отверстиями от пуль, которые были свидетельствами боев, и состоял из низкой колонны, которая была возведена на лестнице в виде пирамиды и увенчана 32-фунтовой раковиной, в полости которой стоял маленький деревянный крест.

Мы были удивлены, найдя на склоне холма большое количество диких цветов, среди которых больше всего выделялись дикие розы, тигровые лилии и купена, буйно разросшихся практически так же, как и в нашей стране. Черника и ежевика также росли в изобилии, а после расспросов мы узнали, что в некоторых местах малина, крыжовник и клюква тоже растут в большом количестве. Густые заросли из маленьких белых берез и пихты покрывали возвышенность и предоставляли убежище для большого количества птиц.

<...> Спустившись с холма, мы прошли две земляные насыпи, увенчанные грубыми деревянными крестами с надписями на русском языке, под которыми покоятся убитые во время обороны бойцы; а рядом находится другая насыпь с низким входом, из которого, когда мы проходили мимо, вышел человек, похожий на отшельника, укрытый грязными тряпками, и который являл собой образец нуждающегося человека. Внешность этого человека подняла в нас волну симпатии, в то время как внешний вид его жилища озадачил нас. И мы испытали сильное облегчение, когда, вернувшись в город, узнали, что земляная насыпь была ни чем иным, как пороховым складом, а человек – казачьим часовым. Невозможно представить себе более не похожего на солдата человека.

Чтобы вернуться в город, мы последовали на пляж, который находился у подножия скал с внешней стороны выступа, <...> и внезапно наткнулись на группу рыбаков, которые сидели у костра, пели и веселились рядом с подозрительными бутылками. Все это само по себе не привлекло бы нашего внимания, если бы мы не заметили среди них священника с длинными волосами и в длинном одеянии из поселения в состоянии, весьма далеком от трезвости, присущей его призванию. Он сопровождал их, чтобы благословить воду и обеспечить им богатый улов, но будучи в не очень набожном настроении, возможно, прибег к методу рыбаков, чтобы дойти до такого состояния. Судя по всему тому, что мы видели и слышали, представители духовенства не отличались особой умеренностью, а судя по слухам, так еще и были зависимы от азартных игр. И этот первый контакт с ними вызвал у нас стойкое отвращение. Как их последователи, смиренные и необразованные, как и они сами, могут доверять им хоть что-то, оставалось для меня тайной. Они даже не пытались скрыть свою распущенность, но практически в любое время дня можно было увидеть, как они, пошатываясь, идут по направлению маленькой церкви, чтобы читать молитвы.

Мы надеялись, что чрезмерная изоляция этого места является тем критерием, который не позволяет судить по нему представителей русской церкви в целом, и я приношу свои извинения, но скажу, что наши дальнейшие поездки по Сибири показали, что в других местах дела обстоят не лучшим образом. Однако мне говорили, что все сыновья представителей церкви считаются сыновьями церкви и должны посвятить свои жизни ее интересам. Если это так, то лицемерие и нерадивость вполне ожидаемы. Но несмотря на все это они обладают большим влиянием на необразованных и суеверных коренных жителей. Я никогда не встречал людей, более неукоснительно следующих всем религиозным формам, подчинение которым, по их мнению, является основным, что делает их истинными христианами.

Рядом с пирующими рыбаками были вытасканы на берег их каноэ, похожие на челноки или полые бревна, которые используют наши американские индейцы, чтобы плавать по рекам и озерам. Это единственный водный транспорт, который используют камчадалы, будучи не очень умелыми лодочниками; и чтобы обеспечить безопасность, когда вода бурная, они крепко связывают их по двое и более, бок о бок, скрепив их тонкими прутками. Даже защитив себя таким образом, они редко отплывают далеко от берега, и чтобы пересечь небольшой водный объект, они проделывают путь в три раза длиннее, гребя вдоль берега. Эта робость, возможно, связана с их неумением плавать, а вода для них слишком холодная, чтобы научиться. Чтобы мыться, они используют русские бани.

Мы были приятно удивлены, найдя в Петропавловске несколько наших соотечественников, занятых в торговле мехом, наряду с двумя или тремя другими, которые говорили по-английски и были американцами, если не по национальности, то по своему ощущению. Двое из них, господа Пирс и Хантер, жили в этой стране на протяжении многих лет и настолько привязались к ней, что уже не стремились вернуться в Америку для проживания. Эти джентльмены не жалели никаких усилий, чтобы сделать наше пребывание приятным, и я уверен, что они абсолютно преуспели в этом. Время, проведенное с ними, было полно радости и удовольствий, и когда настал день отъезда, с большой неохотой мы повернулись спинами к этому прекрасному маленькому месту и его гостеприимным обитателям. <...>».

1. *Bush R.* Reindeer, dogs and snow-shoes: a journal of Siberian travel and explorations made in the years 1865, 1866, and 1867. London : Sampson Low, Son, and Marston, 1871. pp. 25–47.

С. И. Вахрин КАМЧАТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В XVIII в.

Сегодня мало кто, даже на Камчатке, знает, а тем более помнит, что далекие камчатские остроги были излюбленным местом для ссылки важнейших государственных преступников. Благодаря А. П. Чехову известно, что остров Сахалин в 19-м столетии был местом ссылки уголовных преступников – каторжан. На Камчатку же в 18-м столетии ссылали, как правило, важнейших политических преступников, уличенных в замыслах свержения существующей тогда власти.

Их дальнейшая судьба на Камчатке складывалась по-разному. Не все из них оставили после себя потомство. Некоторые были прощены и вернулись в Россию. Кто-то один, а кто-то с семьей, которой обзавелся за годы ссылки на Камчатке. А еще кто-то остался жить и служить на полуострове, породнившись с коренными жителями и русскими старожилками.

Мы имеем очень скудные исторические сведения об этой политической ссылке и, тем более, о судьбах самих ссыльных. Некоторым из них, как важным государственным преступникам, велено было забыть собственное имя и называться мнимым, чтобы исчезнуть навсегда из исторической памяти. Но, тем не менее, первые опыты работы по генеалогии камчатских политических преступников приносят очень интересные результаты.

Одним из самых первых и самых таинственных камчатских политических ссыльных был Василий Иванович Колычев, который был сослан на Камчатку по «Делу о царевиче Алексее».

Информацию об этом ссыльном я обнаружил совершенно случайно и не зарегистрировал источник, откуда взял информацию, не придав тогда этому значения. Но, как выяснилось позже, другие исторические источники хранят по поводу Василия Ивановича Колычева гробовое молчание. Если же вспомнить, что Колычевы, как и Шереметевы, являются однородцами царей Романовых, происходя от Андрея Кобылы, то это выглядит более чем странно.

У многих историков (например, у Н. Н. Павленко в ряде его работ) есть сообщение о том, что по делу царевича Алексея, действительно, проходил муж «мамки», то есть кормилицы и воспитательницы царевича, Василий Иванович Колычев-Хлызнев. Михаил Иванович Семевский, замечательный историк и писатель, посвятил этой мамке – Марфе Афанасьевне (сестре ключника Московского Благовещенского собора Ивана Афанасьевича Чирикова) – большой исторический очерк «Кормилица царевича» (1), но муж кормилицы умер за несколько лет до того, как царь Петр I возбудил дело против собственного сына, казнив и сослав многих из тех своих подданных, кто по этому делу проходил. То есть муж мамки царевича – Марфы Афанасьевны Колычевой – не мог проходить по этому делу.